

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Жюль
ВЕРН

*Вокруг света
в восемьдесят дней*

Роман

Москва

2019

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44
В35

Jules Gabriel Verne
VINGT MILLE LIEUES SOUS LES MERS

Перевод с французского *Николая Габинского*

Оформление *Натальи Ярусовой*

Верн, Жюль.
В35 Вокруг света в восемьдесят дней : роман / Жюль Верн ; [перевод с французского Н. Габинского]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-106397-9

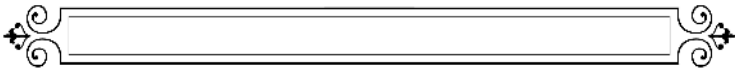
Знаменитый французский писатель Жюль Верн создал в литературе новое направление, научную фантастику, и предсказал в своих произведениях полеты в космос, изобретение самолета, телевидения и многие другие открытия.

«Вокруг света в восемьдесят дней» — увлекательный роман о путешествии вокруг света англичанина Филеаса Фогга и Жана Паспарту, совершенном в результате пари. Для того чтобы выиграть и обогнуть земной шар за 80 дней, им пришлось пережить опасные и невероятные приключения, побывать на разных континентах и во множестве стран.

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-106397-9

© Габинский Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*где заключается взаимный договор,
по которому Паспарти поступает
в услужение к Филеасу Фоггу*

В доме номер семь на Сэвиль-роу, Берлингтон Гарденс, — в том самом доме, где в 1814 году умер Шеридан, — в 1872 году проживал Филеас Фогг, эсквайр; хотя этот человек всячески старался не привлекать к себе внимания, он слыл одним из наиболее оригинальных и примечательных членов лондонского Реформ-клуба.

Таким образом, одного из самых знаменитых ораторов, украшавших Англию своим талантом, сменил упомянутый Филеас Фогг, человек загадочный, о котором было известно лишь то, что он принадлежал к высшему английскому обществу, был прекрасно воспитан и необычайно красив.

Говорили, что он походил на Байрона (однако только лицом; обе ноги у него были здоровы), но то был Байрон, носивший усы и бакенбарды, Байрон бесстрастный, который мог бы прожить, не старея, целую тысячу лет.

Филеас Фогг, несомненно, был англичанином, но, по всей вероятности, не был уроженцем Лондона. Его никогда не видели ни на бирже, ни в банке, ни в одной из контор Сити. Ни причалы, ни доки Лондона никогда не принимали корабля, который принадлежал бы судовладельцу Филеасу Фоггу. Имя этого джентльмена не числилось в списках

членов какого-либо правительственного комитета. Не значилось оно также ни в коллегии адвокатов, ни в корпорациях юристов — одном из «иннов» — Темпля, Линкольна или Грея. Никогда не выступал он ни в Канцлерском суде, ни в Суде королевской скамьи, ни в Шахматной палате, ни в Церковном суде. Он не был ни промышленником, ни негоциантом, ни купцом, ни землевладельцем. Он не имел отношения ни к «Британскому королевскому обществу», ни к «Лондонскому институту», ни к «Институту прикладного искусства», ни к «Институту Рассела», ни к «Институту западных литератур», ни к «Институту права», ни, наконец, к «Институту наук и искусств», состоящему под высоким покровительством ее величества королевы. Не принадлежал он также ни к одному из тех многочисленных обществ, которые так распространены в столице Англии, — начиная от «Музыкального» и кончая «Энтомологическим обществом», основанным, главным образом, в целях истребления вредных насекомых.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба, и только.

Тому, кто удивится, каким образом этот столь таинственный джентльмен оказался членом такой почтенной ассоциации, надлежит ответить: «Он избран по рекомендации братьев Бэринг, у которых ему открыт текущий счет». Это обстоятельство и тот факт, что его чеки исправно и незамедлительно оплачивались, придавали ему в обществе вес.

Был ли Филеас Фогг богат? Несомненно. Но как он нажил свое состояние? На этот вопрос не могли ответить даже самые осведомленные люди, а мистер Фогг был последним, к кому уместно было бы обратиться за подобными сведениями. Он не отличался расточительностью, но, во всяком случае, не был скуп, ибо, когда требовались деньги для осуществления какого-либо благородного,

великодушного или полезного дела, он, молча и обычно скрывая свое имя, приходил на помощь.

Словом, трудно было себе представить менее общительного человека. Он говорил ровно столько, сколько было необходимо, и чем молчаливее он был, тем таинственнее казался. А между тем жизнь его проходила у всех на виду; но он с такой математической точностью делал изо дня в день одно и то же, что неудовлетворенное воображение поневоле искало себе пищи за пределами этой видимой жизни.

Путешествовал ли он? Весьма возможно, ибо никто лучше его не знал карты земного шара. Не было такого пункта, даже весьма отдаленного, о котором он не имел бы самых точных сведений. Не раз удавалось ему с помощью нескольких кратких, но ясных замечаний разрешать бесконечные споры, которые велись в клубе по поводу пропавших или заблудившихся путешественников. Он указывал наиболее вероятный исход дела, и развитие последующих событий неизменно подтверждало его предположения, словно Филеас Фогг был одарен способностью ясновидения. Казалось, этот человек успел побывать всюду, во всяком случае — мысленно.

А между тем было достоверно известно, что Филеас Фогг уже много лет не покидал Лондона. Те, кто имел честь знать его несколько ближе, утверждали, что его можно встретить только по дороге из дома в клуб или обратно, и нигде больше. Времяпрепровождение Филеаса Фогга в клубе сводилось к чтению газет и игре в вист. Он часто выигрывал в этой молчаливой, столь подходившей к его натуре игре, но выигрыш никогда не оставался у него в кошельке, а составлял значительную долю в его пожертвованиях на благотворительные цели. Уместно заметить, что мистер Фогг вообще играл не ради выигрыша. Игра для него была состязанием, борьбой с затруднениями, но борьбой, не требующей ни движения, ни перемены места, а потому не утомительной. А это соответствовало его характеру.

Насколько известно, Филеас Фогг был холост и бездетен, — что случается даже с самыми почтенными людьми, — и не имел ни родных, ни друзей, — что уже случается поистине редко. Он жил одиноко в своем доме на Сэвильроу, куда никто не был вхож. Его личная жизнь никогда не являлась предметом обсуждения. Ему прислуживал лишь один человек. Завтракал и обедал он в клубе в точно установленные часы, всегда в одном и том же зале и за одним и тем же столиком, не угощая своих партнеров по игре и не приглашая никого из посторонних. Ровно в полночь он возвращался домой, никогда не оставаясь ночевать в прекрасных комфортабельных комнатах, которые Реформ-клуб предоставляет для этой цели своим членам. Из двадцати четырех часов десять он проводил дома — либо в постели, либо за туалетом. Если уж Филеас Фогг прогуливался, то неизменно мерил своими ровными шагами приемный зал клуба, выстланный мозаичным паркетом, или расхаживал по круглой галерее, увенчанной куполом из голубого стекла, покоившимся на двадцати ионических колоннах красного порфира. Кухни, кладовые, буфеты, рыбные садки и молочные клуба снабжали его к завтраку и обеду самой лучшей провизией; клубные лакеи — безмолвные, торжественные фигуры в черных фраках и башмаках на войлочной подошве — прислуживали ему, подавая кушанья в особой фарфоровой посуде; стол был покрыт восхитительным саксонским полотном, сервирован старинным хрусталем, предназначенным для шерри, портвейна или кларета, настоящего на корице и гвоздике; и, наконец, к столу подавали лед — гордость клуба, — придававший приятную свежесть этим напиткам: он с большими затратами доставлялся в Лондон прямо с американских озер.

Если человека, ведущего подобную жизнь, именуют чудачком, то следует признать, что чудачество — вещь весьма приятная!

Дом на Сэвиль-роу не блистал роскошью, но отличался полным комфортом. К тому же при неизменных привычках хозяина обязанности прислуги были несложны. Однако Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги исключительной точности и аккуратности. Как раз в тот день, 2 октября, Филеас Фогг рассчитал своего слугу Джемса Форстера, который провинился в том, что принес своему хозяину воду для бритья, нагретую до восьмидесяти четырех градусов по Фаренгейту вместо восьмидесяти шести; и теперь он ждал нового слугу, который должен был явиться между одиннадцатью часами и половиной двенадцатого утра.

Филеас Фогг плотно сидел в кресле, сдвинув пятки, как солдат на параде; опершись руками на колени, выпрямившись и подняв голову, он следил за движением стрелки стоявших на камине часов, которые одновременно показывали часы, минуты, секунды, дни недели, числа месяца и год. Ровно в половине двенадцатого мистер Фогг, следуя своей ежедневной привычке, должен был выйти из дому и отправиться в Реформ-клуб.

В эту минуту раздался стук в дверь маленькой гостиной, где находился Филеас Фогг.

Появился уволенный Джемс Форстер.

— Новый слуга, — доложил он.

В комнату с поклоном вошел малый лет тридцати.

— Вы француз и вас зовут Джон? — спросил Филеас Фогг.

— Жан, с вашего позволения, — ответил вошедший, — Жан Паспарту¹. Прозвище это мне дали давно, и оно доказывает, что я способен выпутаться из любого затруднения. Я считаю себя честным человеком, сударь, но, говоря по

¹ *От франц.* — *passé partout*, буквально — проходящий всюду; здесь — пролаза, ловкий человек.

правде, перепробовал немало профессий. Я был бродячим певцом, наездником в цирке, вольтижировал, как Леотар, и танцевал на проволоке, как Блонден; затем, чтобы лучше использовать свои способности, сделался преподавателем гимнастики и, наконец, был в Париже старшим пожарным. В моем послужном списке числится несколько недурных пожаров. Но вот уж пять лет, как я покинул Францию и, чтобы вкусить прелести домашней жизни, служу в Англии лакеем. Оставшись без места и узнав, что мистер Филеас Фогг самый аккуратный человек и самый большой домосед в Соединенном королевстве, я прихожу сюда в надежде зажить спокойно и позабыть о том, что меня зовут Паспарту...

— Вы мне подходите, Паспарту, — ответил джентльмен. — Мне вас рекомендовали, и у меня о вас хорошие сведения. Вам известны мои условия?

— Да, сударь.

— Хорошо. Сколько времени на ваших часах?

— Одиннадцать часов двадцать две минуты, — ответил Паспарту, извлекая из недр жилетного кармана громадные серебряные часы.

— Ваши отстают, — заметил мистер Фогг.

— Простите, сударь, это невозможно.

— Они отстают на четыре минуты. Но это несущественно. Достаточно установить расхождение. Итак, начиная с этого мгновения — то есть с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра среды, второго октября, тысяча восемьсот семьдесят второго года — вы у меня на службе.

Сказав это, Филеас Фогг поднялся, взял левой рукой шляпу, привычным движением надел ее на голову и вышел из комнаты, не прибавив ни слова.

Паспарту слышал, как хлопнула наружная дверь: это вышел его новый хозяин; затем она хлопнула второй раз: это ушел его предшественник Джеймс Форстер.

Паспарту остался один в доме на Сэвиль-роу.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
*где Паспарту убеждается,
что нашел наконец свой идеал*

— Честное слово, — промолвил несколько опешивший Паспарту, — таких живых молодцов, как мой новый хозяин, я встречал только у мадам Тюссо!

Здесь уместно пояснить, что «молодцы» мадам Тюссо — это восковые фигуры, весьма популярные в Лондоне, которым, право же, недостает лишь дара речи, чтобы быть живыми.

За несколько минут разговора с Филеасом Фоггом Паспарту успел хотя и бегло, но внимательно разглядеть своего будущего хозяина. То был мужчина лет сорока, высокого роста, с красивым и благородным лицом, украшенным белокуроыми усами и бакенбардами; на лбу — ни одной морщины, цвет лица матовый, зубы безукоризненные. Его внешность даже не портила некоторая дородность; казалось, он в высшей степени обладал тем, что физиономисты называют «спокойствием в движении» — свойством, присущим людям, которые больше делают, чем говорят. Невозмутимый, флегматичный, с ясным, бесстрастным взглядом, он представлял собою совершенный тип хладнокровного англичанина: такие люди нередко встречаются в Соединенном королевстве, и Анжелика Кауфман чудесно, хотя и несколько академично, воспроизводит их в своих рисунках. Во всех жизненных обстоятельствах такой человек остается тем же уравновешенным существом, все части тела которого правильно пригнаны, столь же точно выверенным, как хронометр фирмы «Лерой» или «Эрншоу». И действительно, Филеас Фогг олицетворял собою точность, что было ясно по «выражению его рук и ног», ибо у человека, как и у животного, конечности являются лучшими выразителями его страстей.

Филеас Фогг принадлежал к числу тех математически точных людей, которые никогда не спешат и всегда успевают вовремя, экономя при этом каждое движение. Он никогда не делал лишнего шага и шел всегда кратчайшим путем. Не позволяя себе глядеть по сторонам, он не допускал ни одного лишнего жеста. Его никогда не видели ни возбужденным, ни подавленным. То был самый неторопливый и одновременно самый аккуратный человек на свете. Само собою понятно, что такой человек жил одиноко и, если так можно выразиться, вне всяких общественных связей. Он знал, что в жизни поневоле приходится, как говорят, тереться между людей, а так как трение замедляет движение, то он держался в стороне от всех.

Что касается Жана по прозвищу Паспарту, истого парижанина, парижанина до мозга костей, то он уже пять лет жил в Англии в должности слуги и тщетно искал себе в Лондоне хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту не походил ни на одного из тех Фронтенов или Маскарилей с самоуверенным и холодным взором, которые ходят, задрав нос и подняв плечи, и ведут себя, как бесстыжие наглецы. Нет! Паспарту был честный малый, с приветливым лицом и пухлыми губами, всегда готовыми что-нибудь отведать или кого-нибудь поцеловать, кроткий, услужливый, со славной круглой головой, которую хотелось бы видеть на плечах друга. У него были голубые глаза, румяные щеки, такие толстые, что он мог любоваться собственными скулами; обладая высоким ростом, широкой грудью и мощной мускулатурой, он отличался геркулесовой силой, которую развил еще в молодости постоянными упражнениями. Его темные волосы всегда были всклокочены. Если скульпторы античной древности знали восемнадцать способов укладывать волосы Минервы, то Паспарту знал лишь один способ управляться со своей шевелюрой: два-три взмаха гребешком — и прическа готова.

Сказать заранее, уживется ли этот порывистый малый с Филеасом Фоггом, не позволяло простое благоразумие. Станет ли Паспарту тем безупречно аккуратным слугой, какой требовался его хозяину? Это можно было бы проверить только на опыте. Проведя, как известно, довольно бурную молодость, Паспарту жаждал теперь покоя. Наслышавшись об английской методичности и о вошедшем в поговорку бесстрастии английских джентльменов, он отправился искать счастья в Англию. Но до сих пор судьба ему не благоприятствовала. Он нигде не мог прочно обосноваться, хотя сменил уже десяток мест. Всюду хозяева были своенравны, неровны в обращении, искали приключений или часто переезжали с места на место. Это не могло удовлетворить Паспарту. Его последний хозяин, член парламента, молодой лорд Лонгсферри, после ночей, проведенных в «устричных залах» Гай-Маркета, весьма часто возвращался домой на плечах полисменов. Паспарту, желая прежде всего сохранить уважение к своему хозяину, рискнул сделать ему несколько почтительных замечаний, которые были приняты неодобрительно, и Паспарту покинул его. Тем временем он узнал, что Филеас Фогг, эсквайр, ищет слугу. Он навел справки об этом джентльмене. Человек, который ведет столь размеренный образ жизни, всегда ночует у себя, не путешествует, никогда не отлучается из дому даже на сутки, весьма устраивал Паспарту. Он отправился к Филеасу Фоггу и поступил на службу при уже известных читателю обстоятельствах.

Итак, часы пробили половину двенадцатого. Паспарту находился один в доме на Сэвиль-роу. Он тотчас же начал осмотр своего нового жилища и обозрел его полностью — от чердака до подвала. Ему понравился этот чистый, хорошо устроенный, добропорядочный, строгий, пуританский дом. Он походил на раковину улитки, но на раковину, освещаемую и отапливаемую газом: углеводород

служил здесь для всех нужд отопления и освещения. Паспарту без труда нашел на третьем этаже предназначенную ему комнату. Она ему понравилась. С помощью электрических звонков и переговорных трубок она сообщалась с комнатами второго и первого этажей. На камине стояли электрические часы, соединенные с часами в спальне Филеаса Фогга, и оба маятника ударили одновременно — в одну и ту же секунду. «Это как раз по мне, это как раз по мне», — повторял про себя Паспарту.

В своей комнате, над часами, он заметил приколотый к стене листок бумаги. Это было расписание его ежедневных обязанностей. Паспарту прочел его. Здесь было подробно указано все, что требовалось от слуги с восьми часов утра, когда Филеас Фогг вставал, и до половины двенадцатого, когда он выходил из дому и отправлялся завтракать в Реформ-клуб: чай с поджаренным хлебом — в восемь часов двадцать три минуты, вода для бритья — в девять часов тридцать семь минут, без двадцати десять — прическа и т.п. И далее, с половины двенадцатого утра до полуночи — времени, когда пунктуальный джентльмен ложился, — все было расписано, предусмотрено, упорядочено. Паспарту с удовольствием перечитал это расписание и стал заучивать его наизусть.

Что касается гардероба джентльмена, то он был прекрасно подобран и содержался в превосходном состоянии. Каждая пара брюк, фрак или жилет имели порядковый номер, отмеченный во входящем или исходящем реестре, с указанием даты, когда, в зависимости от сезона, их следовало надевать. Так же образцово содержалась и обувь.

Словом, этот дом на Сэвиль-роу — храм беспорядка во времена знаменитого, но беспутного Шеридана — был теперь комфортабельно обставлен и свидетельствовал о полном достатке. В доме не было ни библиотеки, ни книг, ибо мистер Фогг в них не нуждался: Реформ-клуб предо-

ставлял в распоряжение своих членов две библиотеки, в одной находились книги по изящной словесности, в другой — по вопросам права и политики. В спальне Филеаса Фогга стоял несгораемый шкаф средней величины, который прекрасно защищал хранившиеся в нем ценности и от пожара, и от воров. В доме не было никакого оружия — ни охотничьих, ни военных принадлежностей. Все указывало на самый мирный образ жизни хозяина.

Рассмотрев в мельчайших подробностях свое новое жилище, Паспарту потер руки, улыбнулся во всю ширь своего лица и радостно произнес:

— Это мне нравится! Это как раз по мне! Мы отлично сговоримся с мистером Фоггом. Какой домосед! Настоящее воплощение точности! Не человек, а машина! Ну что ж, я ничего не имею против того, чтоб служить машине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
*где завязывается разговор,
который может дорого
обойтись Филеасу Фоггу*

Филеас Фогг вышел из своего дома на Сэвиль-роу в половине двенадцатого и, сделав пятьсот семьдесят пять шагов правой ногой и пятьсот семьдесят шесть левой, достиг Реформ-клуба; постройка этого величественного здания в Пэл-Мэл стоила не менее трех миллионов.

Филеас Фогг направился прямо в столовую, все девять окон которой выходили в прекрасный сад; осень уже позолотила в нем деревья. Он занял свое обычное место за столиком, на котором уже стоял его прибор. Завтрак состоял из закусок, отварной рыбы, приправленной отменным соусом «ридинг», кровавого ростбифа с грибной подливкой, пирога с ревенем и крыжовником и куска честерского сыра; все это было запито несколькими чашка-